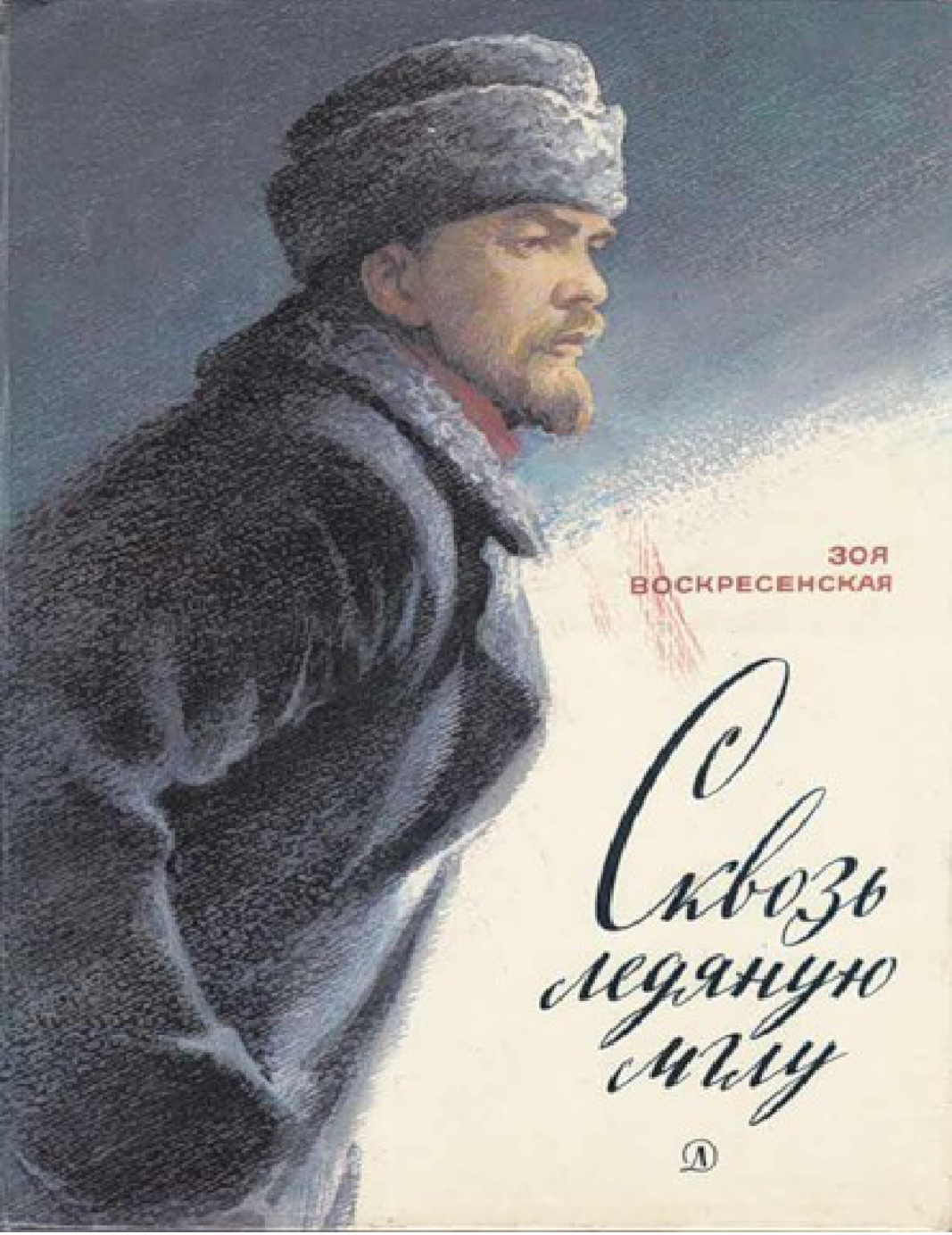

ЗОЯ ВОСКРЕСЕНСКАЯ

Сквозь ледяную мглу

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В цикле рассказов «Сквозь ледяную мглу» даны отдельные страницы из жизни и революционной деятельности Владимира Ильича Ленина и Надежды Константиновны Крупской в 1906–1907 гг.

Рисунки И. Незнайкина

- Зоя Ивановна Воскресенская
  -
  - ПОЗДНИЙ ГОСТЬ
  - ОГОНЬ
  - НЕПРАВИЛЬНЫЙ ГЛАГОЛ
  - ПОСЛЕДНЯЯ ОСТАНОВКА
  - ПОСЛЕ ОТЪЕЗДА
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

Зоя Ивановна Воскресенская
ДОМИК НА СКАЛЕ

ПОЗДНИЙ ГОСТЬ

Вальс Сибелиуса звучал празднично, молодо, и фрёкен Анна попросила сестру исполнить его еще раз. Был субботний вечер. Сестры отдыхали. Фрекен Анна всю неделю растолковывала студентам правила спряжения немецких глаголов и теперь, удобно устроившись в глубоком кресле, вышивала. Сонни тоже наскучили ежедневные музыкальные упражнения с учениками, и она еле дождалась субботнего вечера, чтобы разучить новый вальс любимого композитора.

Обе женщины были уже немолоды: у фрекен Анны серебрились виски, фрекен Сонни по утрам тоже с опаской поглядывала в зеркало. За последние десять — пятнадцать лет в жизни сестер Винстен мало что изменилось: попугай все так же красовался в своей клетке и выкрикивал всё те же давно заученные слова; карликовые кактусы не росли и не старели; увеличилось лишь число вышитых Анной подушечек да темнее становилось с каждым годом в комнатах от разросшегося вокруг леса. По-прежнему приходили и уходили ученики и квартиранты, грозные события в мире проносились стороной, как проносится ураган или гроза. И если бы не зеркало, можно было подумать, что жизнь в этом домике остановилась…

В гостиной было тепло и уютно. На фортепьяно и на круглом столе горели свечи, и причудливые тени трепетали по стенам. Попугай, засунув клюв в перья, покачивался в кольце; белый шпиц, похожий на большой клубок шерсти, дремал у ног Анны.

Трудно было поверить, что за стенами дома угрюмо шумят голые деревья и ноябрьский ветер сметает с мокрых скал желтые листья.

Прогромыхал поезд, и свисток паровоза пронизал лес.

Анна принялась сматывать нитки: когда через станцию Оглбю проходит вечерний почтовый поезд, значит, пора идти спать.

Прозвучали заключительные аккорды. Сонни опустила руки на колени. Грохот поезда всегда напоминал, что совсем близко, в двенадцати километрах отсюда, в Гельсингфорсе, еще шумно. Там только начинается разъезд из театра.

— Как давно мы не были с тобой в опере, мне так хочется послушать петербургских певцов! — пожаловалась Сонни, повернувшись на круглом табурете к сестре. В ее синих глазах засверкали слезы. — Мы давно с тобой не веселились.

— Не надо гневить бога, — строго заметила Анна, — нам хорошо и здесь. Я привыкла к тишине и покою. Покой сейчас главное в жизни.

И, словно наперекор ее словам, шпиц вдруг хрипло тявкнул, а попугай повернул голову набок и сверкнул настороженным глазом. «Карл, Свен, Юхан, — сюда!» — закричал он по-хозяйски басом.

По каменным плитам дворика кто-то шел. Сестры переглянулись: кто мог быть в такой поздний час?

Раздался стук в дверь.

Попугай воинственно завертел головой и продолжал сзывать мужчин.

Анна взяла со стола тяжелый подсвечник и, загораживая пламя рукой, пошла в переднюю. Сонни шествовала за ней, молитвенно сложив руки.

— Во имя святой девы, кто это? — спросила Анна по-шведски.

— Друг госпожи Колан, инженер Петров, — ответил спокойный мужской голос с сильным славянским акцентом.

Анна боязливо открыла дверь.

Пламя свечки на тоненьком фитильке затрепетало и чуть не погасло.

— Добрый вечер! — произнес незнакомец, сняв блестевший от дождя котелок. Лысеющий высокий лоб и светлые усысовсем не старили его, живые темные глаза смотрели мягко и приветливо.

— Добро пожаловать! — ответила Анна и пригласила гостя пройти в комнату.

Шпиц отправился спать на свою перинку, а Сонни накрыла клетку попугая темным платком, и он замолчал.

— Это покойный отец научил попугая кричать, чтобы непрошеные гости думали, что мы с сестрой не одни в доме, — объяснила Сонни, как бы извиняясь за попугая.

Незнакомец понимающе кивнул головой.

— Фру Колан сообщила мне, что вы можете сдать комнату с полным пансионом и что мне можно явиться к вам даже в такой поздний час, — сказал он хозяйкам и попросил разрешения говорить по-немецки.

— Да, да, фру Колан говорила нам о вас. Мы можем отвести вам комнату во флигеле, там живут два финских студента, но они приходят только ночевать… — Сонни уже совсем успокоилась. — Как вы нашли дорогу в темноте? — поинтересовалась она.

— Фру Колан очень подробно описала мне, как пройти от станции к пансиону «Гордабека». Я мог бы найти ваш пансион с закрытыми глазами.

За два дня до этого у сестер побывала фру Колан, подруга юности Анны. Теперь она была замужем за финским офицером и

жила в Гельсингфорсе. Фру Колан попросила сдать комнату русскому инженеру, весьма интеллигентному человеку, которого ей рекомендовала почтенная старушка «Виргиния Смирнофф».

Анна накинула на плечи шаль и пригласила нового квартиранта во флигель.

— У господина Петрова приятные манеры, и он, видно, интеллигентный человек, — поделилась с сестрой Анна, вернувшись из флигеля. — Он раскрыл саквояж, и я увидела там книги. Он сказал, что целые дни будет писать и по вечерам выходить на прогулку в лес. Я пригласила его обедать с нами…

— Может быть, он русский революционер? — боязливо спросила Сонни.

— Я уверена в этом, — спокойно ответила Анна. Сонни испуганно взглянула на сестру:

— Но подумай, что пишут газеты!

Газеты приносили из России страшные вести. Смертные приговоры, казни, погромы. Русский царь жестоко мстил народу за революцию. Говорили, что царь собирается отнять у финнов их конституцию, русские жандармы уже без стеснения заглядывают в Финляндию.

Анна подняла глаза на картину, висевшую над диваном: белокурая девушка с такими же синими, как у Сонни, глазами держит в руках книгу «Финляндская конституция», а огромный злющий орел распластал над головой девушки черные крылья, пытается вырвать книгу из ее рук и вонзить когти в обнаженные плечи…

— Конечно, инженер Петров здесь не случайно, — задумчиво говорит Анна. — Иначе зачем бы фру Колан просила никому не рассказывать, что у нас живет русский.

* * *

Владимир Ильич осмотрел свое новое жилище. Перед окном — письменный стол, у противоположной стены — узкая кровать, возле нее — умывальный столик с большим фаянсовым тазом и кувшином. У стены, напротив двери, — диван, заваленный множеством вышитых подушечек, перед диваном — ломберный стол. Большое место в углу комнаты занимает зеленая изразцовая печь.

Владимир Ильич вынул из жилетного кармана часы и завел их ключиком. Был первый час ночи — пожалуй, еще можно поработать. Снял пиджак, повесил на вешалку, вынул из саквояжа люстриновую куртку, порядком поношенную, надел ее и уселся за

стол…

Тяжелые капли дождя шлепаются в стекла и извилистыми ручейками сбегают вниз. За окном мечутся по ветру черные тени ветвей.

Перед глазами Владимира Ильича возникает огромная Россия. Миллионы разоренных крестьянских дворов. Темные, униженные мужики, тоскующие по земле. А земля в руках помещиков и кулаков, и почти у каждого более пятисот десятин лучшей земли.

В дни революции крестьяне жгли ненавистные им помещичьи усадьбы, восставали против рабской жизни, забирали в свои руки землю.

Теперь революция подавлена. Озверевший царизм пытается снова загнать народ под ярмо. Партия большевиков готовится к новому штурму. Как вызволить крестьянина из беды? Советчиков у мужиков много, в друзья набиваются все. Но кто из них честен, бескорыстен? Только рабочий класс, большевики.

Путь, который предлагают большевики, — это уничтожение помещичьих владений, передача всей земли в собственность государства. Но не царское правительство помещиков и капиталистов должно распоряжаться землей. Без свержения царизма земля не станет народным достоянием. Рабочие и крестьяне совершат эту революцию, и рабочий класс будет ее руководителем.

Этот вывод надо доказать, научно обосновать и прежде всего разбить аграрные программы лжедрузей крестьянства — октябристов, кадетов, эсеров, меньшевиков…

Чуть постукивая полусогнутыми пальцами по столу, Владимир Ильич что-то говорит шепотком, затем обмакивает перо в чернила и начинает писать…

— Уж очень у нас с вами, Владимир Мартынович, деловой вид, это может броситься в глаза, — заметила Надежда Константиновна и предложила своему спутнику взять ее под руку.

Они шли по шоссе, недавно проложенному через лес и скалы. На обочинах еще высились груды присыпанных снегом камней и гравия.

— В прошлом году здесь по ночам гремели взрывы, — сказал Владимир Мартынович, поглядывая на покрытые инеем гранитные скалы по обеим сторонам дороги.

Надежда Константиновна кивнула головой. На финляндской земле, усеянной древними валунами, без динамита дороги не проложишь.

— Дорогу, по которой мы с вами шагаем, прокладывали большевики, — неожиданно добавил Владимир Мартынович.

Надежда Константиновна вопросительно посмотрела на своего спутника. Повадку Владимира Мартыновича говорить загадками она знала.

— Наши боевики изобрели в прошлом году новые бомбы, — продолжал Смирнов, — готовились к вооруженному восстанию. Ну, а пока новое оружие не испытано, его и за оружие считать нельзя. Где же его испытать? Мы узнали, что финны строят здесь шоссе и взрывают по ночам скалы. И вот наши боевики «включились» в строительные артели. Финны диву давались — заложат динамит в одном месте, а взрывы происходят… в двух местах. Это наши испытывали бомбы. Финны до сих пор не знают, что большевики помогали им прокладывать дорогу.

— Большевики многим помогают прокладывать путь, — задумчиво сказала Надежда Константиновна. — Может быть, нам пора разойтись в разные стороны? За поворотом виден поселок. Это и есть деревня Оглбю?

— Да, да, я объясню вам, как пройти дальше. Здесь я уже примелькался. Лучше вам идти одной. — И Владимир Мартынович показал дорогу.

— Надеюсь, сестры Винстен впустят меня, — сказала Надежда Константиновна. — Обратно в Гельсингфорс я доберусь сама. Спасибо вам.

Они распрощались.

Надежда Константиновна, засунув руки в муфту, пошла вперед. Владимир Мартынович долго смотрел ей вслед.

* * *

В комнате холодно, на подоконнике наросты льда.

Печка полна дров. Под дровами — горка березовой коры, на печном карнизе — коробок со спичками. Владимир Ильич подносит зажженную спичку к коре, и березовые шкурки, сердито треща, свертываются в тугие катушки. Огонь слизывает прозрачную шелуху, цепляется за шероховатую поверхность поленьев и прирастает к ним. И вот уже задрожали, заискрились сизо-желтые цветы огня. Мокрое полено брюзгливо зашипело, запузырилось, огонь проворно отскочил и, вытянувшись плашмя под сырым поленом, пополз к задней стенке печки… В комнату выбился горьковатый запах дегтя.

Владимир Ильич прикрыл решетчатую дверцу печки — огонь забурлил, заревел, железная решетка заходила ходуном и отчаянно задребезжала. Ярко-красные угольки стали вываливаться из отверстий решетки, они падали на медный поддон и мгновенно покрывались серым пушистым пеплом.

Владимир Ильич не заметил, как дверь в комнату открылась.

— Я так и знала, что ты и тут уговоришь хозяев доверить тебе печку.

Владимир Ильич быстро обернулся:

— Надюша! — и протянул обе руки навстречу Надежде Константиновне. — Как я рад, что ты здесь! Никак не думал, что сегодня приедешь. — Он помог Надежде Константиновне снять пальто и пододвинул стул поближе к огню. — Садись сюда, милый друг, у тебя совсем застыли руки. Я сейчас попрошу чаю.

Надежда Константиновна осмотрелась. Опять новое пристанище. Сколько же за последние два года, спасаясь от шпиков и преследований охранки, Ильич сменил квартир, мест ночевок! Она задумалась. Кажется, квартир двадцать, если не больше…

Она села перед печкой. Огонь освещал ее усталое лицо.

— Ну, как ты? — спросил Владимир Ильич, вернувшись от хозяйки и вглядываясь в лицо Надежды Константиновны.

— А тебя по-прежнему мучает бессонница? — вместо ответа спросила она.

— Нет, нет, сплю как сурок.

— Что-то не верится, ты дурно выглядишь. Много работаешь. — Надежда Константиновна посмотрела на большие стопки книг и журналов, разложенные на столе и стульях, и груду отчетов Государственной думы на подоконнике. — Откуда столько?

— Большая удача, Надюша: Владимир Мартынович снабжает.

Вчера привез даже отчеты Думы. А рукописи мои печатает барышня из императорского финляндского сената, — тоже его забота. И, представь себе, барышня из сената делает эту сверхурочную работу довольно дешево.

Фрекен Анна торжественно внесла поднос с чашками и печеньем и пригласила к столу. Надежда Константиновна с большой похвалой отозвалась о сахарных крендельках, горкой уложенных в сухарнице, и фрекен Анна расцвела от удовольствия.

— А ты по-прежнему сладкогрызка! — заметил Владимир Ильич.

Хозяйка ушла, и Надежда Константиновна смогла рассказать о положении в Питере. Проваливаются одна за другой типографии, целые партийные группы. Видно, охранке удалось внедрить провокаторов в партию. Жандармерия получила приказ перейти границу и действовать в Финляндии «как у себя дома». Против большевиков натравлены отборные полицейские силы.

Надежда Константиновна вынула из-под подкладки муфты пачку писем, протянула их Владимиру Ильичу.

— Читай, а я пока наведу порядок в твоем хозяйстве, — сказала она и, сняв с вешалки пиджак, принялась укреплять на нем пуговицы.

— Ты чем-то обеспокоена? — спросил Владимир Ильич, чувствуя, что Надежда Константиновна взволнована.

— Как чувствуют себя наши мамочки? Обе здоровы?

— Да, да. Мария Александровна прислала тебе гостинцы.

— Тогда признавайся, почему приехала на два дня раньше? Почему нарушила «конвенцию»?

— Просто так, соскучилась…

— А еще почему? — допытывается он.

— А еще… еще товарищи просили передать тебе циркуляр департамента полиции, в устной копии, конечно. В нем много забавного. — Она отложила пиджак в сторону. — Послушай-ка, что там написано: «Владимир Ильич Ульянов, псевдоним Н. Ленин. Потомственный дворянин. Православ-ный…»

— Ну, это как сказать, — пожимает плечами Владимир Ильич.

— «Женат, роста среднего».

— Это правильно.

— «Бло-о-ондин», — смеется Надежда Константиновна и посматривает на рыжеватые усы Владимира Ильича.

Смеется и он.

— «Возраст сорок два — сорок четыре года». — Эти слова она произносит уже совсем лукаво.

— Вот это возмутительно. Это просто черт знает что такое. —

Владимир Ильич встал и прошелся по комнате. — Надюша! Неужели мне и в самом деле можно дать на пять — семь лет больше? А?.. Теперь я понимаю, почему шпики на меня часто поглядывают в недоумении. Им, наверно, говорят, что глаза у меня голубые и кудри вьются хмелем… Ну-ну, а дальше?

— Дальше? Дальше написано вот что: «…того Ульянова арестовать, обыскать и препроводить в распоряжение следователя 27-го участка города Санкт-Петербурга».

— Так и написано: «Препроводить»?.. Ну, это не выйдет!

Владимир Ильич снова зашагал по комнате.

— От какого числа циркуляр? — спросил он быстро.

— От двадцать третьего июня тысяча девятьсот седьмого года.

— Сегодня ноябрь, а циркуляр до сих пор не исполнен.

— И нельзя допустить, чтобы он был исполнен, — заметила Надежда Константиновна.

— Совершенно верно. Значит, мне надо дописать аграрную программу и подготовиться к тому, — он чуть помедлил, — чтобы выбраться в зону недосягаемости. Давай-ка подумаем, кому ты можешь передать свои дела в Питере и что еще надо сделать.

Они занялись обсуждением неотложных дел, и замороженное окно в домике на гранитной скале искрилось и мерцало до самого рассвета.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ГЛАГОЛ

С тяжелой корзиной, нагруженной провизией, фрекен Анна подошла к газетному киоску на Сенатской площади. Дважды в неделю приезжает она за продуктами в Гельсингфорс; сегодня надо еще купить газеты инженеру Петрову.

Афиши с заголовками газет наклеены по обеим сторонам киоска на огромных щитах. «Восшествие на престол шведского короля Густава-Адольфа». Анна перекрестилась, она была набожной шведкой. «Во Владивостоке двадцать матросов приговорены к смертной казни и двадцать четыре к каторге. В Варшаве к смертной казни приговорено четыре мятежника». Она перевела взгляд на другую афишу. «В Киеве исключено из университета 700 студентов и 1500 курсисток с женских курсов». «В Кутаиси закрыты все учебные заведения». «В Москве за невзнос платы за обучение исключено 1398 студентов». «В Московский университет введена полиция»…

Наскоро отобрав пачку газет на русском, шведском и немецком языках, она кивнула проезжавшему мимо извозчику. Хотелось поскорее оставить эту площадь с бронзовым русским царем на пьедестале, выбраться из города, не видеть этих сообщений о казнях, отгородиться от всех ужасов. Страшно подумать, что творится в России…

Когда фрекен Анна вернулась домой, ее квартирант уже дожидался в гостиной. Он тут же взял газеты и начал быстро их просматривать. В «Петербургской газете» отчеркнул карандашом сообщение: 23 ноября в Питере бастовало 11 тысяч рабочих в знак протеста против суда над социал-демократической фракцией Государственной думы. Какая нужна беззаветная вера в свою партию, чтобы в обстановке такого жесточайшего террора поднять голос в защиту партийных представителей! Рабочие верят своей партии. Просматривая кадетскую «Речь», Владимир Ильич усмехнулся. Любопытно! На станции Келломяки агенты охранного отделения произвели обыск на даче какого-то Ульянова. «Решили, наверное, что я в Финляндии снимаю дачу на свое имя».

Он бросил «Речь» на стол, но взгляд его задержался на объявлении в широкой рамке. Кадетская газета приглашала покупать сочинения Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Владимир Ильич рассмеялся. Вот что значит коммерция! Газета выступает против большевиков, предает анафеме марксистов и в то же время призывает покупать марксистскую литературу. Не мудрено — за объявления платят деньги, и немалые.

Анна выкладывала из корзины покупки и с недоумением смотрела на квартиранта.

— Что вас так развеселило, господин Петров?

— Прочитал забавное объявление. Любители наживы дешево продают свои принципы, фрекен Анна.

— О господин Петров, напротив, все ужасно подорожало, особенно молоко. Городские газеты призывают покупателей устроить бойкот и не покупать молока, пока на него не снизят цены.

— Боюсь, что это не поможет. Покупатели разрозненны, а молоком торгует объединение…

В гостиную вбежала Сонни: на ней был фартук, в руках большая деревянная ложка.

— К нам идет констебль и с ним русский полицейский, — сообщила она срывающимся голосом.

«Карл, Свен, Юхан, — сюда!» — взволнованно кричал попугай.

Владимир Ильич быстро встал со стула, подошел к Сонни и притронулся к ее руке:

— Пожалуйста, будьте спокойны. Примите их как следует и поговорите…

— Но я должна пригласить их в эту комнату! — с отчаянием воскликнула Сонни.

— Конечно, — подтвердил Владимир Ильич.

— А вы?

— Обо мне не беспокойтесь, я останусь под защитой фрекен Анны, — ободряюще улыбнулся инженер Петров.

Сонни набросила на продолжавшего кричать попугая темный платок и, ничего не понимая, вышла в переднюю, чтобы встретить непрошеных гостей.

Когда она ввела констебля и полицейского в гостиную, она увидела, что квартирант сидит за ученическим столом, лицом к окну, и, подперев щеку левой рукой, что-то старательно пишет. Анна сидела по другую сторону стола с раскрытой книгой в руках.

— Это хозяйка пансиона фрекен Винстен. — Констебль отрекомендовал Анну русскому полицейскому. — Она учительница немецкого языка, всеми уважаемая барышня. Мы не помешаем вам, фрекен Анна?

— Надеюсь, что нет, — спокойно ответила Анна. — У меня урок. Все необходимые справки вам даст сестра.

Сонни тем временем ждала, пока констебль договорится с полицейским — они объяснялись по-русски, — и посматривала на Анну.

— Назовите мне неправильные глаголы первого спряжения второго класса, — сказала Анна по-немецки своему ученику.

Инженер Петров ответил:

— Неправильный глагол ершрекен.[1] Ершрекен, ершрак, ершрокен. Но я, фрекен Анна, предпочитаю употреблять этот глагол с отрицанием. Алзо, вир хабен унс нихт ершрокен.[2]

— Совершенно верно, — подтвердила учительница. Она вполне овладела собой и придирчиво спрашивала ученика, искренне удивляясь его великолепному знанию немецкой грамматики.

Русский полицейский записал фамилии двух студентов, которых назвала Сонни, и оглянулся, чтобы получше разглядеть ученика фрекен Анны.

Тот сидел вполоборота, не отнимая руки от лица, и читал по-немецки. Полицейский заметил только лысеющую голову студента.

— Что это за человек? — спросил он у констебля.

— Финский студент, — ответил тот.

Полицейский осведомился у Сонни, не приходил ли к ним русский, по фамилии Ульянов, или Ильин, а может быть, Ленин, возможно даже, — полицейский полистал тетрадь, — Карпов, мужчина огромной силы и с громовым голосом.

— Нет, нет, — убежденно ответила Сонни, — такой человек к нам не являлся.

Анна отметила, как весело смеялись глаза инженера Петрова.

Русский полицейский строгим тоном через констебля передал Сонни, что, если такой человек у них появится, они должны немедленно заявить в полицию.

Собравшись уходить, он еще раз исподлобья бросил взгляд на ученика фрекен Анны. Студент что-то с увлечением читал, словно был в комнате только вдвоем с учительницей. Анна кивала в такт чтению головой и, забыв о полицейских, повторяла вслед за инженером Петровым:

> Лишь тот достоин жизни и свободы,
> Кто каждый день за них идет на бой!
> Всю жизнь в борьбе суровой, непрерывной
> Дитя, и муж, и старец пусть ведет…[3]

— Крамольная картинка, — буркнул полицейский констеблю, указывая на изображение белокурой девушки с книгой в руках, — власти в Петербурге за распространение этой картинки весьма строго карают. Да-с! Обратите внимание, — приказал он констеблю.

Проводив непрошеных гостей, Сонни, обессиленная, опустилась на стул. Она чуть не плакала от пережитого волнения.

— Что будет? Что будет? Он так пристально смотрел на вас, господин Петров. Констебль тоже был чем-то смущен.

— Все прошло отлично, уверяю вас, — успокаивал встревоженных хозяек Владимир Ильич. — А вы действительно мужественные женщины.

— Алзо, вир хабен унс нихт ершрокен! — повеселевшим голосом ответила Анна.

* * *

Под вечер пришел Владимир Мартынович. Он был взволнован и заикался больше обычного.

— Я привез плохие вести, Владимир Ильич. У меня только что была барышня из сената — та, что перепечатывает ваши рукописи. Сегодня она печатала решение императорского финляндского сената о выдаче царскому правительству всех русских революционеров.

— Что ж, от финляндской буржуазии иного и ждать было нечего. Вы предупредили товарищей?

— Да, да. Кроме того, приезжал товарищ из Питера и просил вам передать, что петербургская судебная палата вынесла приговор об уничтожении книги «Две тактики». Вынесено решение о конфискации вашего сборника «За 12 лет», и возбуждено дело о привлечении автора книги к суду.

— И, как мне кажется, охранке стало известно мое местопребывание… Давайте-ка подумаем, дорогой Владимир Мартынович, как поступить дальше. — Владимир Ильич прошелся по комнате. — Очень прошу вас помочь Надежде Константиновне выбраться в Стокгольм. Ей понадобится несколько дней на организацию дел в Петербурге. Я же выеду в Швецию немедленно. Мне нужен паспорт, лучше всего немецкий. Уйду отсюда просто следом за вами. Хозяйкам скажу, что поехал в Гельсингфорс по делам и скоро вернусь. Вам же нужно будет приехать сюда завтра и расплатиться, забрать книги. Сейчас не следует создавать впечатления моего бегства. Это обеспокоит хозяек — они и так сегодня поволновались.

— Опять в Швейцарию? — спросил Владимир Мартынович.

— Да-да, в сонную, затхлую Женеву, в растреклятую эмиграцию.

ПОСЛЕДНЯЯ ОСТАНОВКА

Пассажиры почтового поезда Гельсингфорс — Або дремали под равномерное постукивание колес, удобно устроившись в креслах. Был одиннадцатый час ночи. В купе вместе с Владимиром Ильичем ехали пожилые люди — муж и жена. Муж спал, прикрыв лицо носовым платком, и звучно храпел. Его жена, чопорная шведка, слегка толкала мужа в бок и озабоченно поглядывала на многочисленные саквояжи и баулы. Глаза ее стали все чаще и чаще закрываться, и, привалившись к плечу мужа, она тоже заснула.

Владимир Ильич, сидя в кресле, казалось, дремал. Иногда он открывал один глаз и посматривал на фотографию какого-то собора, висевшую в рамке под стеклом на противоположной стене купе. Не поворачивая головы к двери, он словно в зеркале видел на блестящей поверхности фотографии отражение прогуливающегося по коридору мужчины. Движения мужчины были неторопливы, одет он был в хороший костюм, высокий белый воротничок плотно облегал его жилистую шею. Внимание Владимира Ильича привлек нарочито равнодушный вид этого странного пассажира. Перед каждой остановкой поезда и во время остановок он проходил мимо застекленной двери купе и скользил по фигуре Владимира Ильича оловянным, равнодушным взглядом. «Шпик, — определил Владимир Ильич, — и, несомненно, из питерских, натренированный. Недремлющий. Я его даже где-то видел».

Когда поезд остановился, Владимир Ильич надел пальто, шапку и направился к выходу. «Недремлющий» шагал по коридору.

Увидев своего поднадзорного в пальто, шпик растерялся, но затем опрометью бросился в свое купе, схватил пальто и, никак не попадая в рукава, опять выскочил в коридор. На площадке он чуть не сбил с ног задержавшегося Владимира Ильича.

Предположение Владимира Ильича оправдалось. За ним следили.

На следующей остановке Владимир Ильич снова вышел прогуляться и больше уже не снимал пальто, тем более что в вагоне заметно похолодало.

На одной из остановок он заметил вторую пару оловянных глаз.

«Прислали подкрепление», — про себя отметил Владимир Ильич.

Теперь сыщики выходили на остановках по очереди.

Поезд прибыл на станцию Литтойнен. Это была последняя остановка, а там уже Або — западный пограничный пункт княжества Финляндского, тупик Российской империи. Там кончался железнодорожный путь. У города Або река Аура сливалась с водами Ботнического залива. Дальше была только одна дорога — по морю.

На станции Литтойнен Владимир Ильич вышел на перрон и стал прогуливаться — точно так же, как он это делал раньше, на предыдущих станциях. Теперь, пожалуй, он шагал чуть медленнее и был более задумчив.

Оба шпика ходили за ним по пятам. Еще бы! Не хватало, чтобы на последней остановке перед Або поднадзорный ушел из их рук.

Раздался второй звонок. Владимир Ильич не торопясь поднялся в вагон и прошел на свое место.

Третий звонок, свисток — и поезд тронулся.

«Недремлющий» заглянул в купе, уже не таясь и не стесняясь. Его поднадзорный сидел в своем кресле и изучал пароходное расписание, разложенное на столике.

Филер тихонько хихикнул и зашел в купе к напарнику. В Або все должно быть подготовлено: пока подойдут агенты охранного отделения, он с напарником схватит поднадзорного за руки, а у вокзала за углом их ожидает полицейская карета.

Поезд набирал ход.

Вскоре в окне вагона замелькали портовые огни Або.

— Я пройду в конец вагона и буду идти сзади него, а ты выходи вперед, — распорядился «недремлющий». — Да смотри в оба: прозеваешь, голову оторвут.

«Недремлющий» прошелся по коридору и бросил взгляд в знакомое купе. Пожилой швед снимал с полки корзины, баулы, саквояжи. Его жена водрузила себе на голову шляпу и прикалывала ее огромной булавкой к волосам. Супруги загородили все купе, и шпик не сразу смог разглядеть своего поднадзорного. Он прошел дальше по коридору и, возвращаясь обратно, вновь заглянул в купе и тут обнаружил, что его не видно. Что за оказия? Предчувствуя что-то неладное, шпик рванул дверь в купе, грубо отстранил супругов и почти ткнулся носом в пустое кресло у окна. К ужасу своему, он понял, что его в купе нет…

На столе лежало раскрытое пароходное расписание Або — Стокгольм. «Недремлющий» тронул пальцами оконное стекло — стекло было на месте.

Филер метнулся к себе в купе.

— Его там нет, — только и мог он произнести.

Оба шпика ринулись в тамбур.

Проход в другой вагон был закрыт, об этом они позаботились раньше, чтобы поднадзорный не мог пройти в другие вагоны на ходу поезда.

«Недремлющий» выглянул с площадки наружу.

Мимо проносились деревья, телеграфные столбы. Ледяной ветер со снегом хлестал в лицо.

«Матерь пресвятая богородица, куда же он девался?»

Расталкивая пассажиров, «недремлющий» ворвался в злополучное купе.

— Где русский? — крикнул он в лицо оторопевшему шведу. — Вы с ним заодно?

Он готов был избить этого толстого шведа, не желавшего понимать по-русски.

— Мин готт! Что случилось? — восклицала перепуганная дама.

— Успокойся, дорогая, это, наверное, русский сыщик принимает нас за революционеров.

— Возмутительно! — ответила жена.

Филеры вошли к себе в купе, и «недремлющий» посмотрел на напарника ненавидящими глазами…

Курносый паровоз, распушив пары, пыхтя и отдуваясь, подходил к станции Або.

ПОСЛЕ ОТЪЕЗДА

В этот день сестры Винстен сели обедать, как всегда, в два часа. Стол был сервирован по-преж-нему, меню было обычное для пятницы: гороховый суп, красная рыба с картофельным пюре. Размеренная жизнь в пансионе текла своим чередом, но сестрам было необыкновенно грустно.

Вот уже несколько дней, как инженер Петров уехал, а каждый день разговор за обедом почему-то возникает только о нем.

— Помнишь, Анна, как он старательно заучивал шведские слова и никак не мог правильно произнести шю[4] и как смеялся сам над своим произношением?

— Смеялся звонко и очень весело. Так могут смеяться только хорошие люди, — отозвалась Анна. — А как тонко он понимал музыку! Я уверена, что он и сам неплохо музицирует. Помнишь неправильные глаголы? Когда я увидела русского полицейского, у меня от страха похолодели руки и замерло сердце, а он говорит: «Неправильный глагол — ершрекен». Сказал таким тоном, мол, бояться нечего, и глаза стали хитрыми-хитрыми. У меня и страх прошел.

— Очень милая у инженера Петрова жена, наверно, они теперьвместе, — задумчиво произнесла Сонни. — Помнишь, мы не хотели ее впускать?

— Ну, уж здесь виноват сам господин Петров, — перебила сестру Анна. — Ты ведь отлично помнишь, что он предупредил нас о том, что к нему во вторник приедет товарищ. Он не сказал — жена, он сказал — камрад. А фру Петрова приехала в понедельник. Хорошо, что у нас были сахарные крендельки, они ей очень понравились.

И сестры вспоминали, вспоминали без конца…

Сонни в который уже раз пересказывала сестре, как в тот вечер к инженеру Петрову пришел смешной и милый человек в очках, с необычайно высоким лбом и удлиненной головой. Он приходил к нему и раньше, но всегда со связкой книг и подолгу засиживался. В этот раз пробыл несколько минут. После его ухода инженер Петров сказал, что ему нужно отлучиться по срочным делам. Когда Анна вернулась из города с покупками, квартиранта уже не было. К ночи он тоже не вернулся. Не возвратился и на следующий день. Сестры очень беспокоились, но в сумерках второго дня снова пришел человек в очках, передал сердечный привет от инженера Петрова, принес шестьдесят марок за квартиру…

— Шестьдесят марок и пятьдесят пенни, — уточнила Анна…

Наутро сестры наводили порядок в комнате инженера Петрова. Сонни открыла шкаф и ахнула: на вешалке висела аккуратнорасправленная люстриновая куртка, в которой квартирант всегда работал. Сонни взяла ее в руки. Куртка хранила на себе складки на сгибах рукавов, на локте была аккуратно вшитая заплатка и одна пуговица больше других — видно, ее случайно подобрали вместо потерянной.

Сестры были очень огорчены. Как же теперь вернуть инженеру Петрову его куртку?

— Может, дать объявление в газетах? — предложила Сонни, но Анна строго заметила, что Сонни совсем ещелегкомысленное дитя: такое объявление может ему только повредить.

Решили спрятать куртку в сундук. Инженер Петров обнаружит пропажу и приедет за ней или при случае кого-нибудь пришлет.

В комнате оставалась груда газет — сестры целый вечер топили ими печку. Анна, прежде чем бросить газету в огонь, бегло просматривала энергично отчеркнутые инженером Петровым на полях газеты строчки, многочисленные значки «нота бене», вопросительные и восклицательные знаки, и ей становилось понятно, на чьей стороне симпатии инженера Петрова и против кого направлены иронически звучащие «Сик!!». Газетные статьи говорили о самоотверженной борьбе русских рабочих против самодержавия и о жестоком терроре царизма, направленном против революционеров. Теперь Анна не могла пройти мимо киоска, чтобы не купить газеты. Это стало привычкой. Как-то само собой получилось, что, пока инженер Петров квартировал в пансионе, жизнь сестер была заполнена, с ним было беспокойно, но интересно, а теперь спокойная, размеренная жизнь стала пустой и незначительной.

После обеда Сонни села за фортепьяно. Вальс Сибелиуса не радовал. Анна подошла к жардиньерке с кактусами. Они пахли пылью. Белый шпиц грустными глазами следил за хозяйкой.

Неожиданно воинственно закричал попугай, и Анна кинулась к двери — не Петров ли это? Нет. Посетитель был в форме лейтенанта финляндской полиции. Он заявил хозяйкам пансиона, что ему велено расследовать некоторые вопросы, связанные с пребыванием у них «главного русского революционера Ульянова-Ленина». Лейтенант протянул сестрам фотографию, на которой они сразу узнали инженера Петрова.

— Знаете ли вы этого человека? — спросил полицейский.

Сонни широко раскрыла глаза и с испугом посмотрела на сестру. Анна тронула ее за руку и ответила, что не помнит, чтобы видела когда-нибудь этого человека.

— Не хитрите, фрекен Анна, — сказал лейтенант. — Нам отлично известно, что Ульянов-Ленин жил у вас в пансионе под именем инженера Петрова.

— Где же он теперь? — спросила Анна.

— За границей.

Сестры вздохнули с облегчением.

— Я должен установить, — продолжал полицейский, — как ему удалось выехать за границу, минуя порт Або, и кто помог ему бежать. Что вы можете сказать?

О, Сонни и Анна теперь всё понимали!

— Что мы о нем можем сказать? Инженер Петров был великолепно образован. Он хорошо владел немецким языком, отлично знал спряжения глаголов. Ты, Сонни, конечно, хорошо помнишь: «Алзо, вир хабен унс нихт ершрокен»? — Анна выразительно посмотрела на сестру.

— Да, да, он умел вести себя. Он не закурил бы в нашем доме без разрешения, — как бы между прочим заметила Соннн.

— Он и не курил вовсе, — добавила Анна.

Полицейский поискал глазами пепельницу и погасил сигарету.

— Его интересовали все области науки и искусства…

— Меня это не касается, — прервал сестер полицейский. — Мне поручено выяснить, с чьей помощью Ульянов-Ленин скрылся за пределы Российской империи.

— К нашей помощи он не прибегал, — сказала Анна.

— Не на аэроплане же он улетел… Кто вам его рекомендовал?

— Инженер Петров явился в пансион сам, по объявлению в газете.

— Кто его навещал?

— Они не оставляли нам своих визитных карточек.

— Вам нечего бояться, фрекен, вам ничто не угрожает. Ваш долг — только помочь установить, каким путем Ульянов скрылся за границу, — примирительным тоном убеждал полицейский сестер.

— Инженер Петров не обсуждал с нами своих планов, он был просто нашим квартирантом, — пояснила Анна.

— Может быть, у вас остались какие-нибудь бумаги, документы или вещи вашего квартиранта? — не унимался полицейский.

— О да! — вспомнила Сонни про люстриновую куртку. — Он оставил…

— Он оставил, — перебила Анна сестру, — очень хорошее о себе воспоминание, господин лейтенант.

notes

Примечания

1

Пугаться *(нем.)*.

2

Итак, мы не испугались *(нем.)*.

3

Гёте, «Фауст».

4

Семь *(швед.)*